

Учиха Саске лежал униженный и сломленный, не в силах пошевелиться. Он мог лишь наблюдать, как противник, сломивший его, и товарищ, смиливший его, сражаются за судьбу Конохи. Наруто - последним - обрушил на монстра, в которого превратился Гаара, нечестивый поток ниндзюцу. Сотни буншин, роясь и выпуская комбинации ниндзюцу в сторону песчаного демона, вызывали пульсации и волны силы, омывающие лес и его самого.

Демон ответил тем же. Дикий хохот скрывал разрушительный характер потоков воздуха, которые он выпустил в Наруто. Они рвались сквозь лес, вырывая деревья из земли с непревзойденной, тошнотворной легкостью.

Он даже не мог найти в себе силы разозлиться - больше не мог. Его глаза уловили практику в движениях Наруто, опыт, подтвержденный качеством его ниндзюцу. Узумаки Наруто был тем, кем стремился стать Саске, - он изработал себя до предела и превратился в настоящего шиноби. Воина, способного вершить правосудие.

Становление шиноби стало для Саске самым жестоким уроком. Окружающие вознесли его на пьедестал, который он не заслужил, с такой убежденностью, что он сам начал в это верить. То, что ты был высокомерен, шиноби обычно узнают только в смерти.

Ему повезло с командой, благодаря которой он пережил оба своих столкновения с ней. Они стали странной маленькой семьей, Команда 7. Сакура, которая поначалу просто обожала его, но теперь, благодаря собственным трудностям, стала превращаться в настоящую куноичи. Сай, который казался безэмоциональным, но каким-то образом сумел сблизиться с ним так, как никто другой.

Они положили свои жизни на кон, чтобы спасти его, и он знал, что сделал бы то же самое для них. Единственное, что может быть более бессовестным, чем позволить Итачи избежать правосудия за убийство его родной семьи, это позволить тому же самому случиться с его приемной семьей. Они зажгли спичку в тени, свет настолько слабый и драгоценный, что даже слабое дыхание могло погасить его.

Он будет поддерживать его горение, даже если это будет стоить ему жизни. Даже если это будет стоить ему мести.

Шаги раздались рядом с ним, и он напрягся, готовый использовать последние мгновения своей жизни для борьбы с новым врагом, но расслабился, когда увидел, кто это.

- Ками, Саске - что, черт возьми, случилось?

Это была Ино, вся в синяках и бездыханная, но в остальном невредимая. С ней была девушка Инузука - Хана. Хорошо. Они покончили с братьями и сестрами. Осталось надеяться, что Наруто сможет сдержать Гаару, пока...

Он закашлялся, теплая кровь упала на землю рядом с ним.

- Хорошо, - деловито сказала Хана. - Давай приведем тебя в норму, чтобы мы могли помочь Наруто.

- Нет! - прошипел он с такой силой, что приступ кашля вызвал приступ боли, пронзивший его. - Любой из нас будет мешать! Посмотри - они сейчас сражаются на другом уровне.

Оба посмотрели на бой, и он увидел знакомое сочетание страха и беспомощности, когда они смотрели, как Наруто сражается с чудовищем. Он чувствовал это и знал, что они тоже.

- Мы не можем вот так просто позволить ему сражаться с Гаарой в одиночку - я знаю, что Наруто лучше всего подходит для этого, но...

- Оставь меня, - сказал он с гораздо большей убежденностью, чем чувствовал. - Иди и найди для него джонина - это единственный способ помочь ему сейчас.

Эти слова обожгли его гордость, когда он произнес их, причинив почти такую же боль, как и его рана. Но гордость сдерживала его слишком долго. Она слишком долго портила его мышление. Из всех них он мог бы быть полезен в этой битве. Он мог бы что-то изменить. Наруто защищал его, потому что сам был слишком слаб и полон гордости, чтобы прислушаться.

Хана уставилась на него, выражение лица было нечитаемым, а затем посмотрела в сторону боя.

- Нет.

- Что? Это единственный выход!

- Если ты не будешь лечиться, ты умрешь, Учиха! Возможно, тебе все равно, но я никогда не прощу себе, если оставлю тебя истекать кровью в лесу. Он тоже никогда меня не простит. - Она нахмурилась. - Ино, я знаю, что у тебя есть медицинская подготовка - мне понадобится твоя помощь, чтобы стабилизировать состояние Саске, прежде чем мы сможем даже подумать о его перемещении.

- Но Наруто... - неуверенно начала Яманака, но Хана пресекла ее протест.

- Наруто будет противостоять этой твари столько, сколько нам будет нужно! - Она зашипела, зеленая чакра забурлила в ее руках, и она прижала их к груди и ухмыльнулась. - Доверься ему, черт возьми. Он знает, что мы здесь, и это вся информация, которая ему нужна. Наруто не пойдет ко дну, а если и пойдет, то заберет с собой этого красноволосого ублюдка.

Ино кивнула, и Саске почувствовал, как мир начал тускнеть, а теплая чакра начала просачиваться сквозь него. Это было странно успокаивающе. Он хотел протестовать, заставить их пойти и найти помощь. Наруто не должен был ставить свою жизнь на кон ради него и его

идиотской гордости. Он хотел... Он хотел... Он хотел бороться, он хотел...

Тьма забрала его.

Сарутоби задыхался и снова поднялся на ноги. Кровь сочилась из ран на голове и груди, боевой наряд был изорван и опален. Он бросил взгляд в сторону, где Джирайя сражался один на один против трех других Хокаге. Этот мальчик действительно был его величайшим подвигом как шиноби. Как же он жалел, что не вложил больше сил в Джирайю и Цунаде и гораздо меньше в получеловека, которого когда-то любил как сына.

Когда Орочимару впервые успешно активировал Эдо Тенсей, его охватил холодный страх. Он и Джирайя были старыми, а их воскресшие противники выглядели и чувствовали себя в расцвете сил. Однако быстро стало ясно, что их сила, контролируемая Орочимару, хоть и внушала страх, но не была похожа на ту, которой каждый из них обладал при жизни.

Более того, когда Орочимару не мог сосредоточиться на контроле над бывшим Хокаге, они слабели еще больше. Был разработан план, согласно которому Джирайя будет удерживать внимание Каге, пока тот будет разбираться со своим бывшим учеником. Когда Орочимару падет, его призывник тоже падет.

Он неправильно оценил свои силы. Орочимару значительно превосходил его в силе, и поединок все больше приближался к тому, чтобы стать игрушкой и унижением в противовес реальному бою. С другой стороны, Джирайя сражался великолепно, используя свои мудрые дзюцу, чтобы встретиться с тремя Каге на равных. Это был бой, который, без сомнения, войдет в легенду. Могучий Джирайя из Саннинов, сражавшийся с тремя величайшими Хокаге, когда-либо жившими на свете, и старик, переживший свой расцвет, не сумевший победить их призывателя.

- Итак, Сарутоби-сэнсэй, как долго, по-вашему, мы должны продолжать этот фарс? Ждать ли мне, пока Джирайя-кун полностью обессилеет и не сможет сопротивляться, когда я перережу ему горло? Или я буду ждать достаточно долго, чтобы у него еще оставалась вера в то, что он сможет победить меня, и я смогу увидеть, как она исчезнет из его глаз? - Лицо мужчины исказилось в еще более жуткой ухмылке. - Возможно, вместо этого я сохраню тебе жизнь достаточно долго, чтобы увидеть, как его драгоценный ученик выжимает из него жизнь, прежде чем я сделаю то же самое с тобой. - Он рассмеялся. - Поэтично, не правда ли?

Сарутоби напрягся, и знакомое чувство пронеслось в его душе при словах Орочимару. Воля. Убежденность. Уверенность в том, что, как бы ни складывались шансы, он не допустит, чтобы его деревне и ее жителям причинили вред. Одна только мысль об этом вызывала силу, почти не свойственную ему самому. В его возрасте это было не так уж много, но для этого было достаточно.

Время Джирайи еще не пришло. Не время его деревни.

Это было его время.

- Похоже, ты полагаешь, что я не участвую в этом поединке, - его глаза сверкнули, холодное железо стерло все следы сочувствия и вины, которые он испытывал к своему бывшему ученику. Они сузились. - Опасная ошибка.

Орочимару откинул голову назад, и в ушах Третьего раздался гогот. Искреннее веселье. Пусть он и стар, но Хирузен Сарутоби все еще носил титул Хокаге. Его недооценивают. Хорошо.

Сарутоби начал перебирать ручные печати. Он постарался выучить их и практиковать, когда начал стареть. Ниндзюцу, которое он собирался выполнить, было последним гамбитом в противостоянии с врагом, который был чрезвычайно силен, и ему не было дела до возраста, пока у вас была чакра для его выполнения. То, что его можно было использовать для запечатывания Биджуу или его чакры, было дополнительным преимуществом. Дополнительный слой защиты.

Орочимару вскинул бровь, но высокомерие, вызванное его предполагаемым превосходством, не дало ему ничего сделать, кроме как наблюдать. Сарутоби почти ухмыльнулся. Вместо этого, продолжая держать последнюю ручную печать, он упорно бормотал: - Фуиндзюцу: Шики Фуин (Печать четырех символов).

Он почувствовал непреодолимый приток чакры, почти больше, чем он мог выдержать, и его окружение потемнело до невероятной степени. Если бы он сражался в одиночку, у него ничего бы не получилось, так как ему пришлось бы использовать Каге Буншин, чтобы сдержать Каге. Джирайя знал достаточно фуиндзюцу, чтобы позаботиться о Хокаге после того, как их призыватель будет повержен.

В крошечной тьме позади него начала вырисовываться фигура. Мертвая на вид и улыбающаяся, держащая единственный клинок между оскаленными гнилыми зубами. Шинигами - невидимый для всех, кроме него. Теперь ему оставалось только подобраться поближе, а остальное сделает Бог Смерти. Он знал его намерения и жаждал душ, обещанных за его появление.

Напротив него Орочимару снова засмеялся. Он не мог видеть. Он решил, что его дзюцу провалилось. Что у него закончилась чакра. Что он победил.

На этот раз Сарутоби ухмыльнулся и с последним всплеском силы и жизни бросился на человека, которого когда-то любил как сына. Орочимару нанес ему жестокий удар ногой в живот, выбив из него дух, но вред был нанесен. Мужчина испустил отчаянный, испуганный вздох, когда Шинигами взял в руки то, что принадлежало ему, и начал вырывать у него душу.

- Все кончено, - прорычал он на саннина, на лице которого впервые был написан неподдельный страх, - Шинигами заберет наши души, и ужас и боль, которые ты принес миру, закончатся. Ты потерпел неудачу, Орочимару. Как ученик, как шиноби и в своем стремлении к бессмертию. Все твои начинания - пыль, брошенная на ветер рукой этого старика.

- Мне удалось убить тебя! - прошипел Сарутоби, но тот лишь безмятежно улыбнулся в ответ.

- Такую смерть я бы выбрал тысячу раз. Защитить свою деревню, свой народ в последний раз, прежде чем мое тело больше не сможет защищать. Твоя роль в этом не имела никакого значения, и ты войдешь в историю как мелкий предатель, которого убил старик. Ты ни к чему не пришел, ты...

Но его прервали, так как меч Орочимару, который он отбросил в какой-то момент во время битвы, вонзился в глазницу саннина. Его держала темная фигура, стоявшая над ними. Без предупреждения, дзюцу Сарутоби разрушилось без цели, и Шинигами застонал от разочарования, исчезая в царстве мертвых.

Третий Хокаге, обессиленный, упал на пол и перекатился, чтобы поприветствовать своего спасителя.

- Данзо? - прошептал он, впервые за долгое время почувствовав искреннее удивление.

- Прости меня, старый друг. Я всегда видел в тебе брата по оружию, равного себе. Но твоя слабость поставила Коноху на колени. Пришло время, чтобы у этой деревни снова появился сильный Хокаге.

Сарутоби слышал вдалеке хриплый крик Джирайи, полный отчаяния. Он все еще должен был запечатать Хокаге, которого вызвал Орочимару - он не смог бы спасти его. Боль пронзила его грудь, пока Данзо медленно пробивал его насквозь. Он поднял руку Данзо и крепко, как только мог в последние мгновения, посмотрел в глаза своему убийце.

В уголке его глаза блеснула слеза, и Сарутоби улыбнулся своему самому старому из оставшихся в живых друзей.

- Ради Конохи, - прошептал он, его мир померк, и свет покинул его глаза.

- Ради Конохи, - эхом отозвался Данзо.

Сто тысяч битв на протяжении почти столетия превратили Сарутоби Хирузена в Бога Шиноби, величайшего воина и защитника. Сейчас он мог видеть каждую из них, и потери воспринимал острее, чем победы. Но также он видел тех, кого спас, детей, которые выросли в прекрасных шиноби или граждан Листа. Он видел каждое торжествующее и улыбающееся лицо, которое он принес в жертву и жертвы его шиноби за все эти годы.

Он видел Узумаки Наруто, стоящего твердо и гордо, несмотря на все, с чем ему пришлось столкнуться, готового защитить Коноху, и знал с железной уверенностью, что, что бы ни задумал Данзо, его Воля Огня была передана следующему поколению Конохи. Воля, которая была передана ему десятилетия назад его предшественниками.

И потом Третий Хокаге перестал видеть.

<http://tl.rulate.ru/book/40002/1722419>